

Отдел краеведческой литературы Нерюнгринской городской библиотеки является держателем рукописей Дмитрия Кронгауза.

Второй приезд в Сигикту

Иван Николаевич Яковлев родился и вырос в эвенкийском селе Сигикта. Здесь он окончил школу, сюда же вернулся после института учителем физики. Здесь познакомился со своей будущей женой Зиной.

Зина уроженка Тюменской области, отработав, в Сигикте положенный по распределению срок, не захотела там оставаться, и настояла, на переезде в ее родную деревню. Ее можно было понять: Сигикта в то время вполне оправдывала свое название и была самым настоящим "мёдвежьим углом". Население едва достигало четырех сотен, а связь с внешним миром определялась наличием двух известных составляющих: самолетик и погодки.

С многочисленной родней жены у Ивана Николаевича отношения сложились неплохие, но близких друзей на новом месте он таки не приобрел. Первое время он сильно тосковал по своей оставленной родине, но потом, после рождения дочери, успокоился, постепенно втянулся в хозяйство (держали они большое хозяйство - огород, корову, овец, уток и кур). А когда жена родила сына, а потом еще и дочь, скучать и подавно стало некогда.

Не раз собирался он съездить к матери в Сигикту, да то одно мешало, то другое. Отпуск у учителя летом, а куда поедешь, если лето в деревенском хозяйстве - самая горячая пора.

Один раз все же он съездил в Сигикту, — когда пришла телеграмма о смерти матери. Неделю просидел он в Тынде из-за непогоды: над становьем шли обложные дожди. Так и схоронили мать без него.

Побыл он у сестры полмесяца, вернулся к семье и хозяйству и прожил там двадцать три года почти безвыездно.

Но последнее время что-то снова потянуло его в родные места.

Может, приближающаяся старость тому виной. Махнул он рукой на сенокос (справятся и без него), купил билет и сел на поезд.

Чем дальше на восток, тем сильнее его охватывало почти забытое чувство радостного возбуждения от приближения к дому.

Но за станцией Бамовская радость его омрачилась: начались лесные пожары. Никто не пытался их гасить, да и погасить было уже невозможно. Поезд шел сквозь сплошную полосу огня и выгоревшей тайги, над почерневшими скелетами деревьев висело в небе багровое солнце.

Иван Николаевич недоумевал, как можно было допустить такую бессмысленную гибель тайги, которая для него, как и для каждого настоящего эвенка, представлялась живым, почти одушевленным существом.

В Тынду прибыли утром, и целый день надо было ждать поезда из Хабаровска. Его должны сцепить с московским составом, в котором ехал Иван Николаевич.

У выхода в тамбур образовался затор: пассажиры спешили выбраться из порядка осточертевшего уже вагона. Иван Николаевич не любил толкотни и, пережидая, пока все выйдут, разглядывал в окно великолепное здание из алюминия, стекла и бетона - новый тындинский вокзал.

Изнутри вокзал оказался не менее красивым, да к тому же удобно спланированным. Позавтракав на втором этаже, Иван Николаевич спустился вниз, не стал дожидаться автобуса, как другие пассажиры с его поезда, стоящие на остановке, а пошел пешком.

Белый, воздушный город возвышался над склоном таежной сопки на противоположном берегу реки как мираж или игра фантазии. Иван Николаевичу много раз приходилось бывать в Тынде, но эту Тынду он видел впервые.

Целый день Иван Николаевич бродил по городу, Сходил на дневной сеанс в кино, потом забрел в старую Тынду. Здесь он увидел здание деревянной гостиницы, в которой, еще студентом приезжал на каникулы, не раз останавливался в ожидании рейса на Сигикту.

Казавшееся раньше внушительным здание, теперь, на фоне девятиэтажек, выглядело потерянно и одиноко, и от этого почему-то становилось грустно.

Вернулся он на вокзал в седьмом часу вечера с гудящими от усталости но-

гами. До отправления поезда оставалось еще часа четыре. В вагон идти не хотелось, и он решил, сидя на вокзале, почитать газеты, купленные в городском киоске.

Но все места в дальнем крыле вокзала оказались заняты, народу было гораздо больше, чем утром, и ему пришлось сесть в центре зала спиной к часовому табло, висящему над входом.

Читая, Иван Николаевич заметил, что несколько раз в течение получаса мимо него прошел один и тот же демобилизованный солдат, по виду - эвенк или якут. Ходил он, лениво волоча ноги, металлические подковки шаркали по полу, и это раздражало Иван Николаевича.

Когда солдат проходил мимо в очередной раз. Иван Николаевич встретился с ним взглядом и понял, почему тот мотается маятником - солдату не терпелось попасть домой.

Поезд тронулся. Проводница собрала билеты у подсевших в Тынде пассажиров, началась обычная суэта с постелями. Чтобы не мешать, Иван Николаевич вышел покурить. В тамбуре было тесно, табачный дым висел плотной пеленой. Среди курящих, Иван Николаевич увидел того солдата, он стоял, повернувшись к окну.

Когда в тамбуре стало немного посвободней, Иван Николаевич подошел к парню и спросил по-эвенкийски:

- Омолги, эвэнки бихинни. эгэ?

- Э, эвэнки бихим, - оторвавшись от окна и, взглянув на Ивана Николаевича, ответил тот.

Все присутствующие изумленно повернули к ним головы. Видимо эвенкийскую речь слышали здесь нечасто.

- Ила хуруденни?

- Сигиктала.

- Би нян Сигиктала хурудем! Ние, омолгитын бихинни?

- Ивановых, Веры и Иосифа, - по-русски ответил парень.

Фамилию Ивановы носила, чуть ли не половина Сигикты, и Иван Никола-

евич не сразу понял, о ком идет речь.

-Иосиф Махно, - подсказал солдат.

Ну, конечно же! Иван Николаевич помнит Еську Иванова по прозвищу Махно. Правда, хорошо он его не знал, то был намного младше. Когда Иван Николаевич уезжал из Сигикты, Еська, можно сказать, только научился утирать соплю. А теперь, смотри-ка ты, у него уже сын из армии возвращается!

Они разговаривали с полчаса. Иван Николаевич расспрашивал о Сигикте. Потом Радик (так звали солдата) рассказывал, как их на первом году гоняли "деды", и как его самого недавно чуть не отправили вместо "дембеля" в дисбат за то, что они вдвоем с другом избили "молодого", который после этого попал в госпиталь с сотрясением мозга.

Иван Николаевич уже было, собирался идти спать, когда Радик, снова перешит на эвенкийский, предложил ему выпить.

Иван Николаевич улыбнулся:

-Я свою норму давно выпил.

Еще живя в Сигикте, он был не прочь пропустить рюмку - другую, а в деревне жены, с всякими крещеньями да крестинами, и совсем сдружился с этим дедом. Постепенно дошло до того, что не выпив ста грамм, он не мог и урок вести (благо спирт для горелок всегда под рукой). В конце концов, когда это пристрастие невозможно стало скрывать ни от коллег, ни от учеников, ему пришлось оставить школу.

Два года он менял работу за работой по долгу нигде не задерживаясь. Приходилось и лес пилить и грузчиком работать на ближайшей станции. Сколько раз он зарекался не пить...

Однажды жена чуть ли не насильно привела его к врачу...

После лечения Иван Николаевич устроился преподавать физику в СПТУ, открывшемся недавно в соседнем селе. Может, и сорвался бы он снова, как это обычно и бывает, но спасибо жене. Она стойко оберегала его от соблазнительей. Раз своего родного брата вытянула по спине кочергой, когда тот пришел к Ивану Николаевичу с бутылкой.

Долго лежал Иван Николаевич с закрытыми глазами, ворочаясь с боку на бок, но так и не уснул. Наконец, поднялся и взглянул на часы: без пяти четыре, до Сигикты еще три часа. Дурацкое состояние: и спать хочется, и не уснуть. В глаза как песку насыпали.

Он достал папиросы и вышел в тамбур. Фонарь горел в полнакала, в окне проплывали силуэты сопок. Не верилось, что он едет по тем местам, которые в юности исходил вдоль и поперек.

Иван Николаевич вспомнил очерк о строителях БАМа, напечатанный в газете лет десять назад. В очерке говорилось: "Прежде только эвенки кочевали в этих местах со стадами диких оленей", а чуть ниже: "В местах, куда еще не ступала нога человека, скоро вырастут современные города и благоустроенные поселки".

Станция Сигикта состояла из грязною цвета вокзала и трех пятиэтажек. За пятиэтажками тянулся длинный забор, из-за которого выглядывали крыши складов.

Ивана Николаевича никто не встречал, хотя он из Тюмени давал телеграмму. Вместе с Радиком он направился к стоящему в стороне "зилку". Они забрались в кузов и вскоре были в старом поселке.

По улицам уже ходил народ. Никого из знакомых Иван Николаевич не встретил, попадались все больше приезжие. Женщины с детьми в колясках и на руках спешили к детскому саду.

Поселок за прошедшие годы сильно изменился и вырос в несколько раз. Иван Николаевич пожалел, что не спросил у Радика, где живет сестра. Он обратился с этим к проходившей мимо женщине.

- Мальчакитова? - переспросила та,

- Нет, не знаю.

—Цеж—вам пид гору надо, - подсказала другая, - вон до того будынку, а там направо, як шо - у людей зпытаете.

Оказывается, сестра жила там же, где и раньше. Дом ее почернел, покосился на один бок и стал как будто меньше.

Дверь открыла, придерживая рукой халат, заспанная девочка лет семнадцати. "Племянница Маринка", - догадался Иван Николаевич.

- Мама дома?

- Нет, она в Тынде. А Вы - дядя Ваня? Заходите, я сейчас.

Она прошла в комнату, тут вернулась, подвинула табуретку:

- Садитесь.

Потом долго шелестела в комнате одеждой. Чей-то шепот спросил: - Маринка, кто там? И тоже шепотом: - Дядя Ваня приехал.

Шепот стал тише и неразборчивей.

- Я вас сразу узнала, по фотографиям, - выходя из комнаты, сказала Маринка, - а маму в больницу положили, мальчишки в тайге. Мы с подружкой одни тут.

- А что с мамой?"

- Да, опять с печенью.

Про больную печень сестры Иван Николаевич слышал впервые.

Напоив Ивана Николаевича, чаем. Маринка постелила ему в дальней комнате. Положив ГОЛОВУ на подушку, он тут же уснул.

Разбудил его стук. Иван Николаевич поднялся и вышел в кухню. На пороге стояла почтальонша с телеграммой. Расписавшись, он развернул бланк. Там было написано: "Встречайте двадцать седьмого на станции. Иван" Та самая, которую он отправил перед отъездом.

Прибежала Маринка с подружкой.

- Дядя Ваня, мы вас не стали будить. Обедать хотите, в коридоре суп стоит, разогревайте.

И прихватив магнитофон, убежали.

Вернулись они уже в сумерках с компанией человек восемь. Все немного навеселе. Встретив их, Иван Николаевич ушел обратно в комнату. С кухни, сквозь "металлический" рок доносились оживленные голоса, смех. Вошла Маринка:

- Дядя Ваня, пойдете, посидим с

нами.

Иван Николаевич вежливо отказался. Минут через двадцать его все же усадили за стол. К налитой бражке он даже не прикоснулся, а просто сидел и слушал разговор, тема которого мало отличалась от проблем, обсуждаемых его младшей дочерью со своими друзьями.

У сидящих напротив девчонок он по-эвенкийски спросил, почему те говорят по-русски, а не на родном языке. Девчонки смущенно переглянулись:

- Мы не понимаем...

Иван Николаевич перевел вопрос и стал объяснять им, как плохо, когда человек не знает языка своей национальности. Молодежь неуверенно оправдывалась. Разговаривая с ними, Иван Николаевич совсем забыл, что и его дети по-эвенкийски не понимают ни слова.

Тут в разговор вступил парень-метис, сидящий с краю стола:

- Что Вы нас упрекаете? Вот мои родители, оба хорошо говорят по-эвенкийски, а дома всегда по-русски. Если я хоть что-то по-эвенкийски понимаю, то это только моя заслуга! Вы, а не мы виноваты. Ваше поколение!

Тут воспрянули духом остальные:

- Да, действительно! Вы всю жизнь живете где-то там. А теперь приехали и учите.

- Если не нравится, могли бы не приезжать!

- Можете ехать в свой Томск, если тут не нравится.

Не ожидавший такой враждебности, Иван Николаевич растерялся. Выплеснув возмущение, почувствовали неловкость и ребята. За столом воцарилось натянутое молчание.

Нарушила его маленькая, полная девчонка в голубых "бананах".

- Чего мы сидим, Маринка" Давай наливай! Сразу оживились (хотя и не сколько неестественно), заговорили, и вскоре все вошло в свою колею.

Посидев, еще для приличия, Иван Николаевич незамеченным вышел из-за стола и удалился в комнату.

Обида на ребят еще не прошла, и он переживал в себе этот разговор. Конеч-

но, в чем-то они правы: если хочешь взрастить хорошее, мало не делать ничего плохого. Но зачем же так-то... Он этого не заслужил.

Иван Николаевич вспомнил другую обиду, нанесенную как-то дочерью.

Младшая дочь его была почти точной копией Зинаиды в молодые годы: то же красивое лицо и осанка. От отца ей достались только черные глаза, волосы и смуглый цвет кожи. Эта смуглость и черные дугой брови делали ее, пожалуй, еще красивее матери.

Однажды, приехав в Тюмень по делам, Иван Николаевич зашел к дочери в общежитие. Спускаясь от нее по лестнице, он обнаружил, что оставил в комнате свой портфель, пришлось возвращаться. Подходя к двери, Иван Николаевич услышал голос соседки дочери по общежитию:

- Светка, ты же татарка? Что ты скрываешь, что тут такого-то?

-Нет, я русская, - отвечала дочь.

-Ну, отец же у тебя татарин?

-Нет, русский.

-Русский?

-Да. А это не отец заходил. Это наш '...знакомый.

Иван Николаеву стало жарко. Рука, готовая взяться за дверную ручку, замерла в воздухе. Он неслышно отошел от двери и направился к лестнице. На кухне продолжалось застолье. У Ивана Николаевича разболелась голова. Выйти бы прогуляться, да и не хотелось проходить мимо веселой компании. Наконец, молодежь собралась на дискотеку. Когда стихла музыка удаляющегося магнитофона, он надел пиджак и вышел на улицу.

Мимо, то, обгоняя его, то, ослепляя встречными фарами, то и дело пронеслись мотоциклы.

Просторный, с освещенными окнами клуб ритмично вздрагивая от дружного топота и звуков шлагера "Старый филин — он не простофиля".

Иван Николаевич спустился к речке. Когда-то глубокая и узкая, она разливалась теперь на полкилометра, шумя на мелких местах перекатами, во время "строительства железной дороги" здесь брали щебенку на отсыпку полотна.

Почувствовав, что начинает мерзнуть (ночи в Сигикте и летом холодны, рядом горы), Иван Николаевич поднялся с валуна и отправился обратно.

Еще издали он услышал летящую из открытых дверей клуба песню:

"Автомобили, автомобили

Буквально все заполнили.

Там, где вековая лежала пыль,

Свой след оставил автомобиль..."

За углом клуба курили девчонки. Мерцали в темноте огоньки сигарет, слышался приглушенный разговор.

Когда Иван Николаевич вступил в полосу света, откуда-то вдруг вынырнул пьяный парнишка. Впрочем, сказать "пьяный", значит не сказать ничего. Его не то, что качало, а прямо таки швыряло из стороны в сторону. Чтобы не упасть, ему приходилось делать несколько шагов, то вперед, то назад, то вправо, то влево. Очередная волна невидимого шторма бросила его в сторону Ивана Николаевича. Пытаясь устоять на ногах, парень ухватился за лацкан его пиджака, пуговица оторвалась, и он слету врезался в ограждающий деревца штакетник.

Кажется, он принял это за враждебную акцию со стороны Ивана Николаевича, и, поднявшись с окровавленным лицом, уцепился левой рукой за его ворот, правой пытаясь ударить. Это ему никак не удавалось, но оторвать от себя его руку Иван Николаевич тоже не сумел, цепкость парню не изменила.

Краем глаза Иван Николаевич увидел бегущего к ним с крыльца Радика Иванова. "Радик. Разнимать бежит", -мелькнуло у него в голове. Но подбежавший Радик тренированным уларом в челюсть сбил Ивана Николаевича с ног. Еще не сообразив, что произошло, Иван Николаевич попытался подняться, но удар ногой в лицо снова опрокинул его на землю.

Теперь пинали уже несколько человек. Иван Николаевич, подтянув колени к подбородку и обхватив голову руками, старался прикрыть наиболее уязвимые места. Но нападавшие наносила удары точно, расчетливо, со знанием дела. Боль в правом боку заставила его раскрыть голову, и тут же

последовал удар ногой в висок. Парни продолжали пинать не подающее признаков жизни тело, пока их не уняли девчонки.

Кончились танцы. Выходящие из клуба поглядывали на лежащего и проходили мимо: вид человека под забором - дело здесь привычное. Волоча под обе руки вконец опьяневшего виновника драки, парни шли по темным улицам Сигикты допивать брагу.

Настроение у всех было приподнятое — они только что, одержали победу.

«Кровь Гантимуровых»

Крепка как смерть любовь.

«Песнь Песней Соломона»

Любовь покрывает множество успехов.

«Первое послание апостола Петра»

Стрела со свистом рассекла воздух и пронзила навывлет грудь шамана Голинги из рода Некагир. Страшный, зазубренный наконечник вошел в стоящее позади дерево с такой силой, что его смогли потом извлечь только спилив ствол и расколов топором. Но клейма на наконечнике не было.

Когда Голингу нашли, он был еще жив, и прежде, чем взгляд его помутнел, а душа, оставив брэнную оболочку, гагарой взлетела на Чолбон¹, успел, захлебываясь кровью, прохрипеть одно слово «Гантимуровы».

Обычай требовал мести, но мщение запрещал Закон. Давно прошли времена, когда исход распри между двумя эвенкийскими родами решался тем, кто первым сумеет донести сокрушительный удар. Можно было требовать справедливости в суде, но не роду Некагир, захудалому и обедневшему, тягаться в судах с князьями Гантимуровыми.

- Пойди, отнеси Ангирче лепешку, - сказала мать пятилетней девочке. Пусть посмотрит, что он делает. После смерти Голинги люди стали замечать в

¹ Чолбон – планета Венера, где по представлениям эвенков обитают души умерших.

глазах единственного сына шамана тлеющий огонек безумия.

- Мама! Мама! – кричали бегущие по стойбищу девочки.- Ангирча стал шаманом! Он надел одежды своего отца!.

На крик из чумов выходили люди. От стоящего на отшибе чума. Доносились глухие удары шаманского бубна.

Очнувшись после камлания, Ангирча шевельнулся и приподнялся. Старики отерли пену с его губ и дали воды. Обведя всех мутным взглядом, он сказал:

- На мне лежит проклятье. Снять его может только кровь Гантимуровых.

Во время отлета журавлей Ангирча куда-то исчез. Поиски ни к чему не привели. И только на исходе зимы проезжие мурчоны² рассказали, что он сидит в Нергинском остроге. Он подкараулил у церкви старого князя и ударил ножом. Благодаренье Богу, тот был тепло одет, и рана оказалась не смертельной.

Некагиры собрали весь имеющийся у них запас: десятка два соболей, золотые и серебряные браслеты, серьги и отправили двоих ходоков в Нерчинск выкупать сородича.

На подходе к городу они услышали странный звук. Навстречу им, звеня кандалами, мяся раскисшую грязь, двигался этап.

- Ат-хади! Ат-хади! – кричали идущие по бокам конвоиры.

- Помните, что я сказал, - крикнул Ангирча,- кровь Гантимуровых!

- Пошел! – конвойный толкнул его прикладом в плечо.

Шло время. Прошедшее понемногу стало забываться. Но тут появилась оспа. Черная Оспа, о которой давно и думать забыли!

Пораженные ужасом, не успевая хоронить мертвецов, некагиры разбрелись по тайге.

* * *

² Мурчоны – эвенки, занимавшиеся скотоводством

В читинской квартире Гантимуровых гости. Владимир Сергеевич Некагир приехал устраивать сына Сережу в техникум. Вся семья Гантимуровых в сборе, кроме старшей дочери Нади, она учится в Ленинградском пединституте.

Василий Афанасьевич – полноватый, начинающий лысеть разумный хозяин расспрашивает гостя о тайге, вместе вспоминают молодые годы.

- Подумать только! – сказал захмелевший Василий Афанасьевич, - А ведь наши предки были когда-то кровниками!

- Да ладно тебе! – остановила его жена.

Но было поздно.

Лицо Владимира Сергеевича исказилось, как если бы неизлечимо больному, почувствовавшему временное улучшение, вдруг сказали:

- Да ты все равно скоро умрешь!

Сережа Некагир часто бывал у Гантимуровых. Младшая дочь, семиклассница Наташа усаживала его за стол, угощала и просила рассказать, как он убил медведя. Сережа ел и рассказывал, а Наташа забиралась с ногами на мягкое сиденье и слушала.

Всякий раз, когда появлялся Сережа, Василий Афанасьевич кричал от двери:

- Наташка! Встречай своего жениха!

Все воспринимали это как шутку. И только одна Наташа знала, что это правда.

Перед Новым, 1974 годом, Сережа уехал на каникулы. Наташа ждала его, но он так и не вернулся.

«Сбежал, с горечью думала она,- сбежал в тайгу к своим олелям».

Наташа часто вспоминала о нем и по ночам плакала в подушку.

Однажды она увидела его издали. Он шел от нее по Звездному в сторону Аэропорта. В своей черной балоньевой куртке.

- Сережа! – крикнула она.

Люди оборачивались, но он не слышал.

-

Сережа! – она догнала его и тронула за плечо. Он обернулся.... Но это был не он.

* * *

Наташины университетские друзья влюблялись, разочаровывались, страдали от неразделенной любви. Наташа переживала этот возраст спокойно.

Однажды в перерыве между занятиями она шла с подружкой по коридору. Какой-то грязный дядька с короткой седой стрижкой подскочил к ней и схватил за пуговицу.

- Ты Надя? Нет? Наташа?

От неожиданности она чуть не отпрянула.

- Как Василий Афанасьевич? Как мама? Сережу Некагира не видели?

Пол поплыл у Наташи из-под ног. Дядька исчез также внезапно, как и появился.

- Откуда ты его знаешь? – спросила подружка.

- Сережу?

- Какого Сережу?! – изумленно подняла брови подружка, - Профессора Воскобойникова!

- Ты что, не в себе? – она покрутила пальцем у виска, - Ладно, побежали в буфет!

* * *

Сережина палатка стояла в устье Аммунакты. Утром он загнал пасущихся оленей в загон, посыпал им соли и комбикорма. Не было только Бэюткана, сильного, выносливого двухлетки. Сережа решил, что в последнее время тот что-то стал отбиваться от рук. Сказывается кровь дикого папаша. Не стоит больше отпускать его без Чонгая³.

³ Чонгаи – палка, которую подвешивают к шее оленя на уровне его ног, вместо стреноживания.

Сереза выпустил из загона оленей, взял нарыбин ? и пошел на поиски.

Выйдя на поляну не берегу Селинды, он увидел геологов. Молодые ребята в противоэнцефалитных костюмах ставили палатку. Две студентки-практикантки, тоже в «энцефалитках», безуспешно пытались раздуть костер из веток сырой лиственницы. Прямо на земле сидел здоровенный рыжий детина в резиновом сапоге, с красным лицом и пудовыми кулаками. Второй, рванный сапог он заклеивал латкой, вырезанной из автомобильной камеры и виртуозно матерился.

- Здорово! – подошел к нему Сереза.

- Привет! – не поднимая головы, как будто это происходило на Арбате.- ответил рыжий, и продолжил оба своих занятия.

- Ты чего это?

- Медведь, зараза.... – рыжий поднял голову и кивнул в сторону железной бочки из-под бензина, опутанной проволокой – шестеркой,- Вырвал крышку, тушенку и сгущенку сожрал, остальное непочапил.

Вокруг валялись рваные, сдавленные консервные банки, рассыпаны крупы, макароны, картошка. Каждая картофелина аккуратно вдавлена медвежьей пяткой в мох.

Сергей вспомнил, как месяца полтора назад над его участком. Дважды пролетал вертолет, видимо, разбрасывали продукты по пути следования готовящегося поискового отряда.

Бросив свои дела, Серезу обступили геологи.

- Фарид!

-Костя!

- Витек! – протянул руку рыжий.

-Света! – сказала раздувавшая костер пухленькая блондинка.

- Наташа! – стройная, каштановые волосы собраны сзади в узел, лицо с портрета девятнадцатого века.

Сереза встретился с ней взглядом. Сердце его замерло, а потом застучало. Такой красоты он еще не встречал.

По утрам геологи уходили в маршрут, возвращаясь вечером с нагруженными камнями рюкзаками. Питались они засоленным мясом убитого Серезей согжоя, им же принесенными макаронами и пойманной между делом рыбой. Сереза бывал у них в лагере каждый вечер.

Однажды они сидели у костра и слушали, как Фарид поет под гитару. Света крикнула от речки:

- Гантимурова! Хватит сачковать, помогай чистить рыбу!

- Гантимурова? – удивился Сереза,- Неужели эта красивая молодая женщина - та самая сопливая школьница Наташа Гантимурова?».

Отряд готовился к возвращению на базу. Собраны и упакованы образцы, инструмент. Осталась только палатка, спальные мешки и минимум посуды.

Собрались у костра. Наташа молчала. Пламя отражалось в ее черных влажных глазах.

Фарид запел:

Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.

Тих и печален ручей у янтарной сосны.

Пеплом несмелым подернулись угли костра,

Вот и окончилось все – расставаться пора.

Милая моя,

Солнышко лесное

Где в каких краях

Встретишься со мною.

«Завтра она улетит, и я ее больше не увижу,» - с грустью думал Сереза.

Крылья сложили палатки – их кончен полет.

Крылья расправил искатель разлук – самолет,

И потихонечку пятится трап от крыла,

Вот уж действительно пропасть меж нами легла.

Медведь был старый. Шерсть его выцвела и пожелтела. Из-за притупившегося слуха и обоняния он не мог нормально охотиться. Болели старые раны, полученные в многочисленных схватках с соперниками. Он чуял запах человека, но чувство голода заставляло преодолеть страх. Вот уже слышны приближающиеся шаги. Медведь залег, притаился и напряжинил лапы.

Сережа шел по тропе, когда ему послышался посторонний звук. Он снял с плеча карабин и передернул затвор. Кажется, где-то треснула ветка. Или показалось? Он сделал несколько осторожных шагов. Вдруг слева взметнулось что-то темное. Он успел выстрелить навскидку, но четырехсоткилограммовая тяжесть рухнула на него сверху и придавила к земле.

Костя с Фаридом собрались идти спать. Витек, допивая вечернюю порцию чифира, крутил рукоятку транзисторного радиоприемника. Света с Наташейна стволе поваленного дерева.

- Но так же не бывает! – воскликнула Света, - Ты же была еще маленькая!

- Бывает,, - просто ответила Наташа.

Вдруг она побледнела...

- Что с тобой? Наташка! Что такое?

Неслышно, помертвевшими губами она прошептала:

- Выстрел...

Ребята бежали по лесу, отстав от них бежала Света. Позади всех, поминая бабушку, Бога, душу и мать, трещал валежником Витек. У костра шипел и потрескивал опрокинутый в спешке радиоприемник.

Наташа пыталась оттащить в сторону убитого медведя. На помощь ей подоспели остальные. Слезы ее капали Сереже на лицо, а она гладила его по волосам и повторяла:

- Теперь ты не умрешь. Теперь ты никогда не умрешь. Никогда-никогда.

* * *

У Некагиров четверо детей. Старшая, Софья, скоро пойдет в школу. Наташа работает в камералке, Сережа – на заводе. Он скучает по тайге и мечтает съездить когда-нибудь на охоту.

А Наташа говорит: «Нет уж, хватит с меня и того раза».

Когда мой самолет делал прощальный разворот над Читой, я отыскал глазами их дом и подумал: «Предсказания шамана сбываются непременно. Важно уметь правильно их истолковать. Как сделала это однажды Наташа Гантимурова».

Старая брошь

Как тебе не стыдно! - сказала мне уже совсем взрослая второклассница сестра Лена, когда я однажды разрисовал синим карандашом обои в комнате. Но мне несколько не было стыдно. Я только испугался, как бы не узнал пана, что это сделал я.

А впервые, я испытал настоящий стыл, кажется, только в первом классе. В нашей школе вместе с детьми оленеводов учились и детдомовские ребята. Однажды в классе появилась новая девочка. Голова ее, как у всех ново-прибывших, была острижена "под ноль". По-русски она говорила плохо. Наверно, она была из якутского села и потеряла родителей совсем недавно. Это я сейчас понимаю, а тогда я об этом не задумывался.

Девочку посалили за одну парту со мной. Я был учеником дисциплинированным и не стал возражать, хотя не очень-то был рал такому соседству. Детдомовские ребята были всегда грязнее нас, "домашних», хуже учились и ходили все время с мокрыми дорожками под носом. Поэтому, по скудости рассудка, я считал себя лучше их. А моя новая соседка была совсем уж двоечницей, и я, почти отличник, смотрел на нее свысока.

Как-то на уроке я заметил в ее руках брошь. Это была дешевая поделка. Овал белой эмали оцарапан в середине каким-то острым предметом, по краю

шли гнезда, где раньше крепились стеклышки. Но в моих глазах, а в ее тем более, это была настоящая драгоценность. Когда на перемене она вышла из класса, я открыл ее парту, схватил брошь и сунул в карман. Никаких угрызений совести я не почувствовал, а рассуждал примерно так: иметь сопливой двоечнице такое сокровище непозволительная роскошь, а для моей сестры оно будет в самый раз.

Прозвенел звонок на урок. Девочка открыла парту и сразу же обнаружила пропажу.

- Воровка! - сказала она мне, - Давай сюда!

Она назвала вещи своими именами, и тут только до меня дошло, какую мерзость я совершил! Уши мои горели, да и сам я наверно, был как помидор. Но внутренне я пытался убелить себя, что обокрасть такую как она - не большой грех. Тем более, что украл я не для себя.

- Воровка! — опять повторила она.

- Сначала научись разговаривать по-русски¹ - не отрицая и не признавая вины, парировал я.

- Воровка!

Она не плакала, хотя потеря ее была, по-видимому, велика.

На следующей перемене она пересела за другую парту и больше со мной не разговаривала.

У меня на душе скребли кошки, но все-таки мне хотелось порадовать сестру.

После уроков я прибежал домой бегом,

- Лена! Тебе надо такую брошку?

Моя сестра она уже училась в пятом, глянула и сказала:

- Не, она старая. Многих камешков нет.

Знала бы она, каким путем эта брошь ко мне попала!

- Смотри, вон три «стеклышка» еще остались – сказал я упавшим голосом.... Ну ладно, пусть лежит,- наверное, чтобы не расстраивать меня, решила сестра и сунула брошь в коробочку с такими же «драгоценностями».

Мне стало совсем тошно: причиненные мной страдания оказались напрасными!

Я тогда понял, как несоизмерима ничтожная радость укравшего с горем обворованного. И с тех пор никогда больше не воровал.

Не знаю, почему я не вернул ей ту брошь. Может быть, не хотел признаться перед ней в краже, а может, не знал, как объяснить все сестре. А вскоре ту девочку перевели в другую школу, и я ее ни разу потом не видел.

Вспоминая о том случае, я испытываю глубокое раскаянье. Ведь я обидел и без того несчастного человека. Но исправить уже ничего нельзя. Я даже не помню ее имени.

Дмитрий Кронгауз, с. Иенгра